

·the big book·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

❧ · Чингисхан · Хроники завоевателя · ❧

ВОЛК РАВНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

КОСТИ ХОЛМОВ

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

К О Н Н
ИГГУЛЬДЕН

Кости холмов

Империя серебра

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
И 26

Conn Iggulden
BONES OF THE HILLS
Copyright © 2009 by Conn Iggulden
EMPIRE OF SILVER
Copyright © 2010 by Conn Iggulden
All rights reserved

Перевод с английского
Сергея Шабашова, Александра Шабрина
Оформление обложки Егора Саламашенко
Карта выполнена Юлией Каташинской

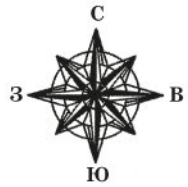
ISBN 978-5-389-21420-0

© С. Р. Шабашов, перевод, 2011
© А. С. Шабрин, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

❧ · Кости холмов · ❧

Моему сыну Артуру посвящается

ТЕРРИТОРИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
ПРИ ЧИНГИСХАНЕ

ПРОЛОГ

Клокотало пламя костра. Вокруг мелькали тени темных фигур с изогнутыми клинками в руках. Быстро кружились их широкополые одеяния; все громче становились завывания и улюлюканье. Чуть дальше сидели музыканты с инструментами на коленях. Перебирая пальцами струны, они извлекали ритмичные звуки и отстукивали ногами в такт музыке.

Перед костром тянулась вереница монгольских воинов — их поставили на колени, связали за спиной руки и обнажили грудь. Холодные и бесстрастные лица пленников были обращены в сторону ликующих победителей. Монгольский военачальник Курхаск получил сильные увечья во время битвы. Кровь запеклась на губах; правый глаз распух и закрылся. Что ж, бывало и хуже. Курхаск восхищался мужеством соплеменников, на чьих лицах не было ни малейшего признака страха. Исполненный гордости за своих, монгол наблюдал за тем, как голоса, обращаясь к звездам, темнокожие воины пустыни и размахивают кривыми саблями, обгаренными кровью тех, кого он знал с давних пор и кто только что расстался с жизнью. Племя темнокожих воинов представлялось Курхаску таким необычным. Такими странными казались ему и головные уборы в виде полоски ткани, многократно обернутой вокруг головы, и похожие на платья просторные рубахи поверх широких штанов. Большинство темнокожих мужчин носили бороду — до того густую и пышную, что рот, скрытый в гуще черных волос, алел, будто кровоточащая рана. Эти люди в основном были выше и мускулистее даже самых высоких и крепких монгольских богатырей. От жителей пустынь сильно пахло диковинными пряностями. Многие жевали какие-то темные корешки, то и дело сплевывая себе под ноги сгустки корич-

невой слюны. Стараясь не выдать презрения к темнокожим воинам, Курхаск молча наблюдал, как они доводят себя до безумства, дергаясь и крича в головокружительном танце.

Монгольский военачальник понуро опустил голову. Теперь он понимал, что действовал слишком самонадеянно. Двадцать человек, которых отправил вместе с ним Тэмуге, были лишь наемными воинами и не имели должной подготовки. Защищая повозки с товарами, они действовали медленно и неумело и попали в плен. Вернувшись в мыслях на несколько месяцев назад, Курхаск понял, что порученная ему мирная миссия усыпила его бдительность. Оказавшись в краю высоких горных перевалов и приносящих скудные урожаи долин, монголы вели торговлю незатейливыми вещами с местными земледельцами, бедность которых поражала даже суровых монгольских воинов. Впрочем, дичь водилась в этих местах в изобилии, а однажды пришельцы изловили и поджарили на костре жирного оленя. Возможно, это и стало их роковой ошибкой. Крестьяне пытались предупредить Курхаска, показывая на горы, но он ничего не понял. И хотя монголы не ссорились с горными племенами, горцы напали. Под покровом ночи они внезапно вышли из тьмы и с дикими воплями, рубя кривыми саблями, налетели на спящих. Вспоминая кровавую резню, он зажмурился. Только восемь мужчин остались в живых. Правда, Курхаску ничего не было известно о судьбе его старшего сына. Его отправили разведывать путь, и монгол надеялся, что юноша выжил и сможет доставить хану печальную весть. Лишь одна эта мысль теперь утешала его.

Горцы разграбили повозки, забрали серебро и нефрит. Глядя исподлобья, Курхаск заметил, что кое-кто из врагов даже облачился в монгольские дээлы, забрызганные темной спекшейся кровью.

Свою монотонную песнь горцы исполняли неистово и иступленно, пока в уголках губ не скопилась белая пена. Когда глава племени обнажил клинок и с криком ринулся к пленникам, Курхаск гордо выпрямил спину и обменялся взглядом с товарищами.

— Еще не кончится ночь, а мы уже отойдем в мир духов и увидим родные холмы, — сказал он соратникам. — Хан обо всем узнает и обратит эту страну в пыль.

Негромкая речь, казалось, лишь усилила бешенство горца. По гневному лицу мусульманина быстро забежала тень клинка,

которым он размахивал над головой монгольского воина. Курхаск невозмутимо наблюдал. Чувствуя дыхание неотвратимой гибели, он нашел в себе силы отбросить страх и встретить ее спокойно. По крайней мере, это давало ему некоторое удовлетворение. Он надеялся, что жены будут долго оплакивать его смерть.

— Не теряй мужества, брат, — добавил он.

Кривая сабля отсекла голову воина раньше, чем тот успел дать ответ. Хлынула кровь, горцы закричали и затопали ногами в знак одобрения. Воин ухмыльнулся и обнажил зубы. В обрамлении черной как смоль бороды и смуглой кожи они казались ослепительно-белыми. Сабля вновь опустилась, и еще один монгол рухнул на пыльную землю. Курхаск едва мог дышать. Гнев и злоба сдавили горло. Он умирал в далекой стране озер и чистых горных ручьев, в двух тысячах миль от Яньцзина. Местное население испытывало благоговейный трепет перед необычными чужеземцами и вело себя дружелюбно. В то самое утро, когда Курхаск собирался в дорогу, крестьяне пожелали ему доброго пути и на прощание дали тягучих сластей, от которых слипались зубы. Он скакал под ясно-голубым небом, не подозревая о том, что горцы следят за ним. Он так и не понял, почему они напали. Разве что позарились на чужое добро. В поисках сына Курхаск украдкой осматривал окружающие холмы, надеясь, что тот станет свидетелем смерти отца. Допуская, что мальчик видит его, Курхаск не мог позволить себе умереть недостойно. Его мужественная смерть стала бы последним подарком сыну.

Мусульманину понадобилось три удара, чтобы отсечь третью голову. И когда она наконец скатилась на землю, он поднял ее за волосы и предъявил соплеменникам, смеясь и что-то бормоча на своем странном языке. Монгол уже начинал разбирать некоторые пуштунские слова, но понять поток речи ему было не по силам. В мхуром молчании он наблюдал за кровавой расправой до тех пор, пока не остался последним живым пленником.

Курхаск поднял голову и бесстрашно посмотрел вдаль. Чувство облегчения овладело им, когда он приметил, что там, куда не проникал свет костра, что-то зашевелилось. Светлое пятнышко двигалось в темной мгле. Курхаск улыбнулся. Это он, его сын, подавал ему знаки. Монгол склонил голову прежде, чем мальчик скрылся из виду. Далекое светлое пятнышко исчезло во тьме, но Курхаск был спокоен, волнения и тревоги покинули его. Хан обо всем узнает.

Монгольский военачальник снова поднял глаза, когда мусульманин занес окровавленный клинок над его головой.

— Ты еще встретишься с нашими, — сказал Курхаск.

Не поняв слов, мусульманин замешкался.

— Пусть песок закроет твой рот, неверный! — вдруг прокричал он, но монгол тоже не понял его. Лишь утомленно пожал плечами.

— Ты не знаешь, что делаешь, — промолвил он, прежде чем окровавленный клинок опустился.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Порыв ветра налетел на хребет высоких холмов. В небе проплывали хмурые тучи, волоча по земле ленты серых теней. В утренней тишине земля казалась пустой и безлюдной, когда двое всадников двигались во главе узкой колонны — джагуна из ста молодых воинов. Монголы, возможно, проскакали уже тысячу миль, не встретив никого на пути, и только скрип кожи да фырканье малорослых лошадей нарушали царившее вокруг безмолвие. Временами они останавливались и напрягали слух, и тогда тишина словно накатывала на них со всех сторон.

О том, что Субудай — важный военачальник на службе у хана, можно было судить лишь по его манерам и выправке. Доспехи из нашитых на кожаную основу железных пластин порядочно износились, во многих местах виднелись дыры и ржавчина. Зарубки на шлеме свидетельствовали о том, что тот не раз спасал жизнь своему владельцу. Но хотя доспехи обветшали, этот человек по-прежнему оставался таким же крепким и безжалостным, как скованная морозом земля. За три года набегов на северные земли он проиграл всего одну мелкую стычку, но уже на следующий день вернулся и разгромил непокорное племя, не позволив недоброй вести о его неудаче разлететься по свету. Субудай явил образец военного мастерства в далекой стране, где воздух делался холоднее с каждой милей вглубь безлюдных пространств. У Субудая не было карт, и только молва указывала ему путь к далеким большим городам, стоявшим на реках, которые зимой сковывал такой прочный лед, что на нем можно было жарить быка.

Справа от Субудая скакал Джучи — старший сын самого хана. Юноше едва исполнилось семнадцать лет, но, возможно, именно

ему предстояло унаследовать власть над народом. Возможно, когда-нибудь он во время войны даже будет отдавать приказы Субудая. Но пока у Джучи были такие же доспехи из засаленной кожи и железных пластин, те же седельные мешки, то же оружие, что и у всех остальных воинов. Субудай хорошо знал, что Джучи не брезгует питательной смесью из сушеной крови и молока, разведенных небольшим количеством воды. Ибо эта земля не прощала беспечного отношения к вопросам выживания. И оба уже усвоили уроки зимы.

Джучи чувствовал пытливый взгляд военачальника и не терял бдительности. С ним он провел больше времени, чем с отцом, но старые привычки трудно преодолеть. Джучи не доверял никому, даже Субудая, несмотря на безграничное уважение к этому человеку. Командир Волчат был создан для войны, хотя и отрицал это. Субудай превыше всего ценил разведку, военную выучку, тактику, лук и стрелы, но те, кто шел за ним на войну, верили в то, что он победит при любом раскладе. Другие могли придумать новую конструкцию меча или седла, а вот Субудай создавал новые армии, и Джучи знал, что иметь такого наставника — особая честь. Юноша надеялся, что на востоке дела его брата Чагатая продвигались так же успешно. Как же легко было теперь, скача по холмам, помечтать и представить, как онемеют от удивления отец и братья, когда увидят, как Джучи повзрослел и окреп.

— Какая самая важная вещь лежит у тебя в мешках? — вдруг спросил его Субудай.

Джучи на мгновение поднял глаза на сгущающиеся облака. Субудай любил проверять его знания.

— Мясо, командир. Без мяса я не смогу воевать.

— Разве лук не важнее? — переспросил Субудай. — Кто ты без лука?

— Никто, командир. Но без мяса я ослабну и не смогу стрелять.

Услышав, что юноша повторяет его же слова, Субудай проворчал:

— Когда мясо закончится, сколько ты протянешь на сушеной крови и молоке?

— Шестнадцать дней — самое большее. Если не умру от ран.

Джучи отвечал не задумываясь. С тех пор как вместе с Субудаем они покинули цзиньскую столицу, юноша хорошо выучил ответы.

— Какое расстояние ты сможешь покрыть за это время? — продолжал Субудай.

— Чуть больше полутора тысяч миль, если буду менять лошадей. И еще половину этого расстояния, если буду спать и есть в седле, — пожал плечами Джучи.

Заметив, что юноша отвечает, почти не задумываясь, Субудай сменил тактику.

— Чем опасны холмы впереди нас? — резко спросил он.

Джучи растерянно поднял голову:

— Я...

— Быстро! Люди ждут от тебя решения. Их жизнь зависит от твоего слова.

Джучи сглотнул. Субудай давно стал для него учителем.

— Солнце у нас за спиной, значит когда мы поднимемся на вершину холма, то будем видны как на ладони с расстояния нескольких миль, — ответил Джучи. Субудай начал было кивать, но юноша продолжил: — Земля сухая. Когда перевалим за гребень гряды, в воздухе за нами останется облако пыли.

— Хороший ответ, Джучи, — похвалил Субудай.

С этими словами он ударил пятками лошадь и помчался вперед к гребню холма. Как и предсказывал Джучи, отряд из ста всадников поднял ввысь целый столб красноватой пыли и мелкого песка. Кто-нибудь мог легко их заметить и сообщить об их местонахождении.

Достигнув вершины, Субудай не остановился и проскакал чуть дальше. Джучи последовал за ним, и через мгновение глоток пыли заставил его прокашляться в руку. Субудай остановил лошадь в пятидесяти шагах от гребня. Дальше начинался крутой спуск в долину. Без всякой команды монголы окружили своего полководца широким двойным полукольцом наподобие натянутого лука. Тактика поставленного над ними военачальника давно была им знакома.

Насупив брови, Субудай уставился вдаль. Внизу, зажатая холмами, тянулась плоская равнина. По равнине бежала река, полноводная после весенних дождей. Вдоль берега реки медленно продвигалась колонна, пестреющая хоругвями и знаменами. От волнения Джучи почувствовал, как внутри что-то сжалось, но все равно испытал восторг от увиденного — зрелище и в самом деле было восхитительным. Десять или одиннадцать тысяч русских конных витязей шествовали впереди под развевающимися

красно-золотыми стягами. Позади конного войска тянулся длинный обоз из телег и запасных лошадей. На повозках и рядом с ними двигались несколько тысяч женщин, детей и слуг. Как раз в этот момент солнце выглянуло из-за серых туч и позолотило долину гигантским лучом. Доспехи витязей весело заиграли на солнце.

Их лошади, массивные и косматые, были почти вдвое крупнее монгольских низкорослых скакунов. Да и сами всадники в глазах Джучи тоже выглядели необычно. Закованные в кольчугу с головы до колен, они казались тяжелыми и грузными, точно изваянными из камня. Лишь голубые глаза да кисти рук оставались незащищенными. Облаченные в доспехи всадники готовились к битве, в руках они держали длинные копья. Направленные стальным наконечником к небу, копья были вставлены торцом в кожаную чашку на стремях. Еще Джучи разглядел секиры и мечи, висящие на пояском ремне. К седлу каждого воина был прикреплен листообразный щит. Над головами колыхались узкие треугольные флаги. В игре солнечного света и тени зрелище было весьма впечатляющим.

— Они должны нас заметить, — пробурчал Джучи, подняв глаза на облако пыли вверху.

Субудай услышал его и повернулся в седле:

— Это не люди степей, Джучи. Их глаза не приспособлены видеть на таком расстоянии. Ты испугался? Их воины — настоящие великаны. Я бы испугался.

На мгновение Джучи овладела злость. Если бы эти слова сказал его отец, их можно было бы принять за насмешку. Но Субудай говорил с огоньком в глазах. Ему было немного за двадцать, слишком мало, чтобы командовать даже сотней. В нем не было страха, и Джучи знал, что его командира не пугают ни мощные боевые кони русских, ни грозные всадники. Он верит только в скорость и стрелы своих Волчат.

Джагун делился на десять арбанов, каждый с десятником во главе. Только десятники, по приказу Субудая, имели тяжелое вооружение. Остальные носили кожаные туники, поддетые под дээлы. Джучи знал, что Чингис предпочитал тяжелую конницу легкой, но воины Субудая, кажется, научились воевать с минимальными потерями. В бою они могли действовать проворнее и быстрее русских тяжеловесов, и к тому же монголы не ведали

страха. Вместе со своим полководцем они жадно смотрели вниз и ждали, когда их заметят.

— Ты знаешь, что твой отец прислал гонца с приказом возвращаться домой? — спросил Субудай.

— Об этом все знают, — кивнул Джучи.

— Я намеревался идти дальше на север, но я слуга твоего отца. Он велит — я подчиняюсь. Тебе это понятно?

Джучи пристально посмотрел на своего командира, позабыв на время о русских витязях в долине.

— Понятно, — ответил он с бесстрастным видом.

Субудай тоже посмотрел на своего воспитанника довольным взглядом:

— Надеюсь, что это так, Джучи. За твоим отцом можно идти хоть на край земли. Хотелось бы услышать, что он скажет, когда увидит, как сильно ты возмужал.

Джучи едва справился с приступом гнева, на миг искажившим его лицо, но тотчас взял себя в руки и сделал глубокий вдох. Во многих отношениях Субудай заменил ему отца, но юноша не забывал и о том, что этот человек — преданный слуга хана. Достаточно одного слова Чингиса — и Субудай убьет его собственными руками. Глядя на Субудая, Джучи подумал, что, наверное, в его сердце останется немного места для сожалений, но слишком мало для того, чтобы сохранить юноше жизнь.

— Отцу понадобятся преданные люди, Субудай, — произнес Джучи. — Он не позвал бы нас, чтобы строить или отдыхать. Снова отыщет новые земли для разорения. Он как волк — вечно голоден и будет насыщать брюхо, пока не лопнет.

Нелестные слова в адрес хана заставили Субудая сердито намурить брови. За три года походов он ни разу не слышал, чтобы Джучи говорил об отце с любовью и теплотой. Правда, в его словах время от времени звучала тоска, но и та проявлялась все меньше с течением лет. Покинув дом мальчиком, Джучи вернется к отцу женщиной. В этом Субудай давно перестал сомневаться. Несмотря на свою несдержанность, в бою Джучи действовал хладнокровно, и солдаты глядели на него с уважением.

— У меня есть еще один вопрос для тебя, Джучи, — сказал Субудай.

— У тебя всегда есть вопрос наготове, командир, — усмехнулся Джучи.

— Мы водили этих железных витязей за собой многие мили, чтобы измотать их лошадей. Перехватывали и допрашивали их разведчиков. И все же я так и не узнал, что за Иерусалим они ищут и кто такой этот белый Христос. — Субудай пожал плечами. — Может быть, настанет день, когда я с ним сражусь, но мир велик, а я не могу разорваться на части.

Говоря с Джучи, Субудай не отрывал глаз от вооруженных всадников в долине и длинного обоза позади них.

— Так вот мой вопрос, Джучи. Эти всадники для меня ничего не значат. Твой отец велел мне возвращаться, и я готов отправиться в путь прямо сейчас, пока на летних пастбищах довольно корма для лошадей. Тогда что мы тут делаем? Ждем, когда враг вызовет нас на бой?

— Отец назвал бы это именно так. Он сказал бы, что для мужчины нет ничего лучше, чем провести жизнь, воюя с врагами. А еще он, наверное, сказал бы, что тебе нравится это занятие, командир, и это единственная причина, по которой ты это делаешь, — ответил Джучи с холодным блеском в глазах.

Субудай ничуть не смутился.

— Может, он так и сказал бы. Только ты прядешься за его словами. Зачем мы здесь, Джучи? Их тяжеловесные кони нам не нужны даже на мясо. Зачем мне рисковать жизнью своих воинов только ради того, чтобы разгромить эту колонну?

— Если не ради этого, тогда не знаю, — нервно пожал плечами Джучи.

— Ради тебя, Джучи, — серьезно ответил Субудай. — Когда ты вернешься к отцу, тебе будут известны все виды боя в любое время года. Вместе с тобой мы брали большие и малые города, прошли через пустыни и дремучие, непроходимые леса. Чингис не найдет в тебе слабости. — Глядя в окаменевшее лицо Джучи, Субудай улыбнулся. — Я буду испытывать гордость, когда люди скажут, что ты постигал военную науку под началом Субудая Храброго.

Джучи не мог не ухмыльнуться, услышав прозвище Субудая от него самого. В военных лагерях не было секретов.

— Ну вот, — буркнул Субудай, указывая вдаль на дозорного, мчавшегося в начало колонны. — Командир, ведущий наших врагов, впереди. Большой храбрец.

Джучи представил внезапный страх, который смешает ряды неприятелей, как только они посмотрят в сторону холмов и уви-

дят монголов. Субудай лишь тихонько посмеивался, когда от колонны отделилась большая группа всадников и начала двигаться вверх по склону холма, держа копыта наизготове. Когда же пространство, разделявшее оба войска, достаточно сузилось, Субудай дерзко обнажил зубы. Русские выступали, самонадеянно поднимаясь по холму, и он страстно желал преподнести им урок.

— Джучи, где твоя пайцца? Покажи мне.

Джучи протянул руку за спину, где на седле висели колчан и лук. Подняв сумку из грубой кожи, юноша вынул оттуда дощечку из чистого золота с печатью в виде волчьей головы на ней. Вещица весила около двадцати унций и была тяжела, но невелика по размерам, чтобы удобно было держать в руке.

Субудай не обращал внимания на всадников, упрямо скачущих вверх по склону, чтобы встретиться с перворожденным сыном самого Чингиса.

— Твоя пайцца, Джучи, дает тебе право командовать тысячей под моим началом. Пайцца сотника из простого серебра, такая как эта. — Субудай протянул дощечку из светлого металла, чуть больше той, что была у Джучи. — Разница в том, что серебряную пайцзу дают командиру, которого выбрали начальники арбанов.

— Знаю, — ответил Джучи.

Субудай бросил взгляд на русских всадников. Они подступали все ближе.

— Десятники этого джагуна просили, чтобы в бой их вел ты, Джучи. Я тут ни при чем.

Субудай протянул серебряную пайцзу, и Джучи с радостью принял ее, отдав золотую дощечку военачальнику. Выражение лица Субудая было торжественным, нарочито сдержанным, хотя глаза горели ярким огнем.

— Когда вернешься к отцу, Джучи, ты будешь знать все звания и должности, — продолжил он. Затем сделал несколько уверенных взмахов рукой. — Правое крыло. Левое крыло. Центр.

Субудай направил взгляд поверх голов русских витязей, чьи кони легким галопом старательно взбирались по склону. Как только на дальнем утесе блеснула яркая точка, он уверенно кивнул:

— Пора. Ты знаешь, что делать, Джучи. Командуй.

Субудай молча похлопал юношу по плечу и скрылся за гребнем холма, оставив джагун под командой только одного военачальника.

Чувствуя на своей спине взгляды сотни воинов, Джучи постарался не выдать овладевшего им приятного возбуждения. Командиры арбанов избирались воинами. Затем десятники выбирали одного командира, за которым вся сотня шла на войну. Быть избранным таким образом означало удостоиться большой чести. Внутренний голос шептал Джучи, что все эти люди чтят только его отца, но, отмахнувшись от этих мыслей, юноша отбросил сомнения. Он заслужил это право. Вера в себя придала ему сил.

— Готовь луки! — скомандовал Джучи, и монгольские всадники разомкнули строй, оставив больше свободного места для удобства стрельбы.

Чтобы снять напряжение, Джучи крепче взялся за поводья. Он обернулся через плечо, но Субудай на самом деле исчез из виду, оставив его одного. Воины не сводили с Джучи глаз, и он принял невозмутимое выражение лица, зная, что они надолго запомнят его бесстрашие. Готовые к бою луки поднялись в ожидании сигнала, и Джучи вытянул вверх сжатую в кулак руку, чувствуя, как в груди сильно забилось сердце.

Когда противник оказался на расстоянии четырехсот шагов, рука Джучи опустилась, и воздух рассекли стрелы. Было слишком далеко, и те из них, что долетели до русских, ударились о щиты и упали наземь. Приподнятые и выставленные вперед, длинные щиты русских всадников служили им надежной защитой, закрывая тела воинов почти целиком. Монгольские стрелы вновь взмыли в воздух, но и вторая атака не дала результата. Русские не потеряли ни одного воина.

Мощные лошади русских скакали не слишком быстро, но расстояние между противниками сокращалось. Джучи наблюдал. Когда между ними осталось двести шагов, он вновь поднял руку, и монгольские луки снова были готовы пустить стрелы. Но Джучи не знал, пробьют ли стрелы вражеские доспехи с этого расстояния.

— Стреляйте так, как будто впервые взяли лук в руки! — кричал он.

Его люди ухмыльнулись, но выполнили приказ. Джучи невольно поморщился, видя, как стрелы пролетели точно над головами врагов, словно пущенные напуганными новичками. Со всем немногие стрелы попали в цель, повалив на землю лишь нескольких всадников и лошадей. Неприятель подступал ближе.

Уже слышался гул атаки и было видно, как передние шеренги опустили длинные копья в предвосхищении битвы.

Джучи переживал, но внезапная злоба пересилила страх. Теперь хотелось только обнажить меч и направить своего скакуна на врага. Отчаянно покачав головой, Джучи, однако, отдал совсем другой приказ.

— Всем отступить и укрыться за гребнем холма! — прокричал он.

Джучи потянул за поводья, и конь помчался назад. Выкрикивая что-то бессвязное, монголы беспорядочно последовали за командиром. Джучи услышал, как за спиной раздалась глухие возгласы ликования, и желчь подступила к горлу. То ли от страха, то ли от гнева — юноша не знал.

Илья Мажаин сморгнул пот, мешавший глазам видеть позорное отступление монголов. Как и тысячу раз прежде, он ослабил поводья и положил руку на грудь, обратившись с молитвой к святой Софии, чтобы та даровала победу над врагами веры. Под кольчугой к груди прижималось самое ценное — золотой крест-мощевик с крошечным кусочком косточки пальца святой. Новгородские монахи уверяли Илью, что он будет жить, пока с ним крест, и Илья верил, что неуязвим. Покинув вместе с товарищами город святой Софии, он отправился на восток, где долго служил великому князю и даже намеревался идти в Иерусалим, чтобы защищать город от иноверцев. Но набег монголов нарушили его планы.

— Отдай их мне, Господи, и я сокрошу их кости, уничтожу их поганые идолица, — тихонько молил Илья, подавшись вперед в седле и сгорая от желания сойтись с отступавшим врагом лицом к лицу.

Монголы бешено мчались вниз по дальнему склону, но лошади русских были сильны, и расстояние между противниками неуклонно сокращалось. Илья чувствовал настроение своих витязей, которые ехали рядом, выкрикивали ругательства и громко подбадривали друг друга. Они теряли товарищей в ночных перестрелках. Разведчики бесследно исчезали, или, того хуже, их тела находили позже с такими увечьями, от которых выворачивало желудок. За последний год Илья повидал столько сожженных городов, сколько не видел за всю прежнюю жизнь, и черный

дым пепелищ отчаянно взывал к отмщению. Но монголы всегда исчезали раньше, чем он приходил на помощь. Теперь он гнал своего жеребца вперед, несмотря на то что утомленное подъемом животное уже начинало терять силы, хрипело и фыркало белой пеной, стужки которой прибывало ветром к груди седока.

— Вперед, братья! — кричал Илья.

Он верил, что в этих местах поганые больше никому не причинят зла. Монголы осквернили все, что ему было дорого, — от улиц родного города до величественной простоты храма благословенной святой.

А впереди монголы беспорядочно отступали, едва различимые в облаке поднятой пыли. Илья отдал приказ выстроиться в плотную колонну из пятидесяти шеренг по двадцать человек в каждой. Витязи привязали поводья к луке седла и, управляя лошадьми только ногами, прикрываясь щитом и с копьями наперевес, наклонились вперед через шеи лошадей. Воистину это было великое воинство и оно было готово дать бой!

Путь отступавших монголов лежал мимо невысокого холма, поросшего старыми липами. Когда русские подошли ближе к древнему лесу, Илья заметил, как в зеленоватой дымке что-то зашевелилось. Он едва успел раскрыть рот, чтобы предостеречь остальных, как воздух наполнился свистом сотен стрел. Но даже тогда Илья ни секунды не колебался. Он велел держать строй. Он еще верил, что сквозь засаду можно прорваться.

Внезапно слева, громко заржав, повалилась подбитая лошадь. Повредив русскому военачальнику левую ногу, она чуть не выбила его из седла. Илья взвыл от боли и только изрек проклятие, видя, как вместе с лошадью рухнуло на землю бездыханное тело всадника. Град стрел беспрестанно обрушивался на русских ратников, и Илья с ужасом смотрел на то, как один за другим они валятся под копыта коней. Стрелы проходили сквозь кольца кольчуги, словно сквозь полотно, выбивая кровавые брызги. С яростным криком Илья бил ногами своего измотанного жеребца, понуждая того двигаться вперед. Но вот монгольская конница развернулась и, ведомая в бой своим командиром, начала наступление. Монголы действовали синхронно и быстро. Их приземистые лошадки резво неслись вперед, тогда как седоки ни на секунду не прекращали стрелять из луков. Илья почувствовал острую боль: стрела пронзила ему плечо. Но едва он успел опо-

мниться, как два войска сошлись, и он собрался с силами. Он ударил копьем в грудь врага, но из-за слабости в плече оно выпало из руки так быстро и резко, что Илье на миг показалось, будто он сломал себе пальцы. Онемевшей, почти бесчувственной рукой Илья обнажил меч. Но вокруг с трудом можно было что-нибудь разглядеть. С земли поднялась густая красноватая пыль, и в этой пыли монголы, точно дьяволы, сновали повсюду, хладнокровно стреляя из лука по рядам неприятеля.

Илья прикрылся щитом, но от удара угодившей в щит стрелы его повело назад. Правая нога выскочила из стремени, и Илья зашатался, полностью потеряв равновесие. Не успел он выпрямиться, как другая стрела пронзила ему бедро. Крича от боли, Илья поднял меч и направил коня прямо на лучника.

Монгол этого ждал. Илья заметил лишь бесстрастное выражение его лица и то, что ростом тот был совсем как безбородый отрок. Илья ударил, но монгол проскользнул под мечом, выбив мощным толчком русского из седла. Ошеломленный, Илья грохнулся на землю.

Переносье шлема смялось, разбив Илье несколько передних зубов. Слепленный слезами, он все же поднялся с земли и сплюнул кровь вместе с обломками разбитых зубов. Левая нога подогнулась, и он снова беспомощно опустился, тщетно пытаясь отыскать меч, который выронил во время падения.

Меч лежал почти рядом на пыльной земле, но, когда Илья наконец заметил его, было поздно. Позади послышался топот копыт. В последний момент Илья нащупал свой золотой оберег и едва успел произнести несколько слов молитвы, как монгольский клинок рассек ему шею. Он так и не увидел кровавой расправы над остатками своего войска — слишком неповоротливого и медлительного, чтобы противостоять воинам Субудая, полководца великого хана.

Отдав приказ десятку своих людей прочесать местность и доложить о передвижениях главной колонны русских, Джучи спешился, чтобы осмотреть убитых. Кольчуги русских не спасли им жизнь. Многие из распластанных на земле тел были буквально утыканы стрелами. Невредимы остались лишь шлемы. Джучи не нашел ни одного с пробитой головой. Подняв шлем, он потер его пальцем в том месте, где на металле осталась только блестящая царапина от удара стрелы. Вещь была сделана на славу.

«Нападение из засады удалось. Все прошло так, как и планировал Субудай», — спокойно подумал Джучи. Полководец будто читал мысли врагов. Джучи глубоко вдохнул, силясь справиться с дрожью, которая овладевала им после каждого боя. Нехорошо, если другие заметят его волнение. Он не знал, что сейчас воины смотрят на него, широко шагающего со сжатыми кулаками, и видят в нем лишь человека, неудовлетворенного достигнутым результатом и все еще жаждущего кровопролития.

В засаде стояли еще три джагуна. Они всю ночь провели в лесу, и теперь их командиры выехали из-за деревьев. После нескольких лет, проведенных в войске Субудая, Джучи знал этих воинов, как своих братьев, — так наказал ему когда-то Чингис. Двое из них — Мехали и Алтан — были крепко сложены, отличались преданностью, но им не хватало воображения. Джучи кивнул им обоим, как только они вывели лошадей на усеянное трупами поле. Третьим сотником был Кара — мускулистый коротышка с лицом, отмеченным шрамом от старой раны. Несмотря на уважительное обращение, Джучи чувствовал неприязнь Кары, причин которой не мог объяснить. Возможно, суровый воин злился на него из-за его отца. Продвижение Джучи у многих вызывало подозрения. Субудай открыто посвящал его во все свои замыслы и учил всем военным хитростям, как когда-то Чингис учил простого юношу-уряхайца, сделав его впоследствии своим полководцем. Субудай смотрел в будущее, тогда как другие, подобно Каре, видели в Джучи только избалованного ханьча, продвигаемого не за боевые заслуги.

Пока Кара подъезжал ближе, хмыкая при виде трупов, Джучи понял, что теперь он с ним на равных. Джучи принял серебро перед боем и до сих пор испытывал благодарность за оказанную ему честь и доверие жизни ста человек. И вместе с тем это означало, что Кара по крайней мере некоторое время не станет осторожничать в присутствии ханского сына. Джучихватило одного взгляда, чтобы понять, что коротышка уже об этом подумал.

— Чего мы теперь ждем? — вдруг крикнул Кара. — Субудай будет биться, а мы любоваться травкой и сидеть без дела?

Джучи не понравились его слова, однако он отвечал вежливо, словно Кара просто поприветствовал его. Если бы командиром был коротышка, то он немедленно повел бы воинов к Субудая. И вдруг Джучи интуитивно сообразил, что Кара по-преж-

нему ждет от него приказаний, несмотря на его понижение в чине. Джучи заметил, что Мехали и Алтан тоже наблюдают за ним. Возможно, они делали это просто в силу привычки, но тут у него появилась идея, и он решил воспользоваться моментом.

— Видишь, какие у них доспехи, Кара? — спросил он. — Одна часть свисает со шлема, закрывая все лицо, кроме глаз. Другая часть кольчуги идет до самых колен.

— Кольчуга не защитила их от наших стрел, — возразил Кара, пожимая плечами. — Спешившись, они так медлительны, что становятся легкой мишенью. Думаю, для нас такая вещь бесполезна.

Видя, что Кара сконфужен, Джучи осклабился от удовольствия:

— Еще как полезна, Кара!

Субудай стоял высоко на холмах, окружавших долину. Его лошадь фыркала рядом, пробуя на вкус опавшие сосновые иголки. Чуть поодаль почти пять тысяч воинов отдыхали в полной боевой готовности. Темник дожидался возвращения разведчиков. Двести человек отправились во все концы, и теперь только оставалось получить их донесения, чтобы составить картину местности на многие мили вокруг.

Субудай не сомневался, что организованная Джучи засада принесет успех. Войско противника уменьшилось на целую тысячу, но все же оставалось еще слишком большим. Колонна витязей медленно продвигалась по речной долине в надежде, что ударный отряд вернется с победой. Русские не захватили с собой лучников, и это стало их роковой ошибкой. Но эти воины были такими огромными и сильными, что Субудай не мог рисковать, атакуя в лоб. Он собственными глазами видел, как эти богатыри, даже пораженные стрелой, продолжали бой, унося жизни двух, а то и трех его людей. Это были воины огромной отваги. Однако одного этого мало. Храбрецы идут вперед, когда их атакуют, и Субудай строил планы, исходя из этой закономерности. Он был убежден, что любое войско можно разбить наголову, если навязать свои условия. Но к его войску это, естественно, не относилось.

Двое разведчиков наконец примчались с донесением о последней позиции русских. Субудай велел им спешиться и начертить все палочкой на земле, дабы не возникло недопонимания.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСТИ ХОЛМОВ. <i>Перевод С. Шабашова</i>	5
ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА. <i>Перевод А. Шабрина</i>	453

Иггульден К.

И 26 Кости холмов ; Империя серебра : романы / Конн Иггульден ; пер. с англ. С. Шабашова, А. Шабрина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 832 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-21420-0

Чингисхан прошел великий путь от изгоя до могущественного правителя, объединившего под своей властью прежде враждовавшие племена. Лишь сильной руке под силу удержать бескрайнее ханское царство, преодолев смуты и раздоры, сломив яростное сопротивление несогласных. Кажется, одному лишь ему, великому Чингисхану, по плечу такая задача. Но течет неумолимое время, и могущественному правителю приходится срок выбрать наследника...

Великий хан обрел вечный покой, а его огромная империя, выкованная благодаря его чистому мужеству, тактическому мастерству и неукротимой силе, висит на волоске. Сыновья великого хана вступили в противоборство, каждый видит себя преемником отца и ведет собственную игру. Непокойно и в осиротевшем царстве: свирепые монгольские племена, за которыми не следит более всевидящее око Чингисхана, вновь готовы встать на путь раздора. Но вот Угэдэй, сын великого завоевателя, принимает власть над империей почившего отца, и кажется, нет в мире такой силы, что могла бы остановить ее возвышение. Но история все рассудит по-своему.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КОНН ИГГУЛЬДЕН
КОСТИ ХОЛМОВ
ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-BBH-38366-01-R